

Поэтика рассказа И.А.Бунина «Чистый понедельник»

Название рассказа словно призвано создать в сознании читателя определенные ассоциации, связать его содержание с конкретной датой православного календаря. Как известно, празднованию Пасхи на Руси предшествует шестинедельный Великий пост, а так называемый «Чистый понедельник» являет собой первый день первой недели этого поста. В течение всего означенного периода христиане должны воздерживаться от пищи, плотских удовольствий и всевозможных развлечений.

Однако заявленная названием рассказа христианская ипостась служит в нем лишь канвой, не являясь абсолютной доминантой повествования. Хотя, на первый взгляд, может показаться, что сочинение Бунина выдержано в религиозном духе: здесь немало теологических рассуждений, описаний обрядов христианской церкви, соборов и монастырей. Да и пафос произведения, казалось бы, можно свести к банальной библейской притче о грешнике, осознавшим свои заблуждения и уходящим в монастырь искупать содеянное послушанием.

На деле же поэтика бунинского рассказа оказывается не столь простой и прозрачной. «Чистый понедельник» - это история любви, исповедь страдающей души. В центре рассказа провинциальная девушка из знатной купеческой семьи, поселившаяся в самом центре Москвы. Нанятая ею квартира просторна и хорошо обставлена, да и сама квартиросъемщица богата, молода и красива. Автор не называет ни имен, ни фамилий своих героев, ведя повествование от лица влюбленного в девушку молодого человека.

Уже в начале произведения заявлено, что безымянная героиня весьма загадочна и непонятна для рассказчика: она какая-то «иная», не такая, как окружающие ее русские люди. Иное же для русского человека зачастую связано с Востоком и поэтому, думается, девушка эта словно погружена в азиатскую ауру.

Необычность, «особность» героини подчеркнута восточной внешностью – ее «красота была какая-то индийская, персидская: смугло-янтарное лицо, великолепные и несколько зловещие в своей густой черноте волосы, мягко блестящие, как черный соболий мех, брови, черные, как бархатный уголь, глаза; пленительный бархатисто-пунцовыми губами рот оттенен был темным пушком»(1, 477).

Дома она обычно носила шелковый архалук (кавказский полукафтан особого покроя – атрибут восточного быта), отороченный соболем; выезжая же в свет «чаще всего надевала гранатовое бархатное платье и такие же туфли с золотыми застежками» (477). Было у нее и бархатное платье черного цвета, черные ботинки, шуба, шляпка и муфта из черного каракуля, черные лайковые перчатки.

Бунин словно навязывает читателю определенные ассоциации, настойчиво дублируя «ориентальные» детали внешности героини (смольность волос, смуглая янтарность рук, плеч и груди, угольный бархат глаз и бархатистость пурпура губ, черные лоснящиеся косички, которые придавали ей «вид восточной красавицы»). Героиня рассказа цитирует строки из «Войны и мира» Л.Толстого, которые в ее устах звучат как «восточная мудрость». Пряно пахнут черные волосы этой красавицы, вызывая в сознании лирического героя повествования целую цепь географических ассоциаций: «Москва, Астрахань, Персия, Индия».

Персия и Индия уже упоминались ранее при описании ее внешности («красота была какая-то индийская, персидская»). Астрахань же, думается, навеяна шелковым архалуком – «наследством астраханской бабушки» героини. Этот город – некогда столица татарского ханства - считался центром восточной торговли России, связывавшим ее с Персией, Турцией, Индией и среднеазиатскими странами через Каспий. Москва в этой «восточной» цепи вовсе не выглядит инородной, ибо представляет собой эклектическую смесь Запада и Востока: «...итальянские соборы – и что-то киргизское в остриях башен на

кремлевских стенах...» (478). В этом же ряду стоит и упомянутый в тексте рассказа район Москвы – Ордынка, напоминающий о татарском нашествии.

«Индийские» ассоциации возникают и в голове самой героини: икона богородицы троеручицы напоминает ей, видимо, индуистского бога Шиву многорукого, и она восклицает: «Три руки! Ведь это Индия!» (482). Еще одна опосредованная «индийская» деталь – поющие цыгане (выходцы из Индии) в загородных ресторанах, которых любит слушать эта загадочная девушка.

А от Астрахани к Персии протягивается и иная нить: актер Качалов, цитируя известную сказку Пушкина, называет героиню «царь-девица, Шамаханская царица» (Шемаха, некогда бывшая столицей Ширвана, одного из ханств иранской империи, с 1805 года вошла в состав России). Дополняют восточный дух произведения каракулевые шубка, шляпа и перчатки, турецкий диван в комнате девушки и присущая ей неторопливость, медлительность: у нее медленный голос (479), она не спеша протягивает руку для поцелуя (478), разучивает на пианино медленное начало «Лунной сонаты» Бетховена (476), столь же медленно выходит героиня из ворот кладбища (481), кучеру она велит ехать «не шибко» (481), медленно улыбается в ответ на комплимент актера (485) [разрядка всюду моя – Р.Н.].

Уже в самом начале произведения рассказчик признается, что отношения между ними какие-то «странные». Странностей, связанных с этой девицей, в рассказе немало. Так, например, она учится на курсах, но довольно редко их посещает. Нарочито демонстрируя свое безразличие к цветам, книгам и пище, она в то же время прочитывает все доставляемые ей книги, делит цветы на любимые и нелюбимые, любит сытно и вкусно поесть, предпочитая при этом изысканные блюда. Героиня имеет дорогое пианино, любит хорошую одежду – бархат, шелка, дорогой мех. Выезжая в театры и рестораны, она щеголяет шикарными нарядами, а посещая курсы, надевает очень скромное одеяние. Любительница розовых рябчиков в сметане, расстегаев с налимьей ухой, наваги и шоколада, хереса и шампанского «обедала и ужинала с московским пониманием дела» (476). Но все это происходило лишь вечером и ночью – во время интимных ужинов с кавалером. Завтракала же эта гурманка «за тридцать копеек в вегетарианской столовой» (477). И это отнюдь не из скупости.

Она весьма современна – читает модные и популярные сочинения Гуго фон Гофмансталя, Артура Шницлера и Казимежа Тетмайера, Станислава Пшибышевского и Леонида Андреева, посещает лекции Андрея Белого, концерты Федора Шаляпина и спектакли Художественного театра. Красавица курит и выпивает, привычно и уютно чувствует себя в городских и загородных ресторанах. И в то же время тоскует о прошлом, с восторгом говорит о допетровской Руси, зачитывается древнерусскими летописями.

Отрицая свою религиозность, героиня проявляет основательные познания в христианской теологии, часто бывает в церквях и монастырях, любит церковными обрядами и утверждает, что подлинная Русь сохранилась лишь в отдаленных северных монастырях и церковных песнопениях. Любовь к старине рождает в ней чувство патриотизма.

Многое в рассказе Бунина кажется «странным». Рассказчик не раз использует это определение: странными считает он взаимоотношения с этой девушкой, странна ему и ее любовь к России, ее усмешка, и в сумме этих странностей сама Москва кажется ему «странным городом».

Произведение словно соткано из контрастов, видимых и завуалированных. Увлеченная сочинениями декадентов героиня вешает в своей комнате портрет реалиста Льва Толстого (да еще и босого) и посещает реалистические спектакли Художественного театра. Она идеализирует Древнюю Русь, аскетизм и простоту, но в то же время сама является существом суперсовременным. Дама эта остро чувствует и осуждает фальшь и притворство окружающего ее мира, но все же охотно пользуется его благами и развлечениями. Не будучи, по ее собственному признанию, религиозной, она мечтает

стать монахиней. Обедающая и ужинающая с истинно «московским пониманием дела» и поглощающая пищу с аппетитом здорового мужчины, девица эта сетует: «Не понимаю, как это не надоест людям всю жизнь, каждый день обедать, ужинать» (476).

В рассказе Бунина заметно противопоставлены старина и новизна. С явной симпатией говорится о средневековых князьях – Юрии Долгоруком, Святославе Северском и Павле Муромском, о монахах-богатырях Пересвете и Ослябе, но сатирически «снижены» образы знаменитых, реально существовавших современников: Андрей Белый свою лекцию не читает, а поет, «бегая и танцуя на эстраде»; Шаляпин на своем концерте «не в меру разудал»; «капустники» Художественного театра «пошлы» - известные русские актеры нелепо изображают нечто якобы парижское. При этом портретированы они в стиле карикатуры: «большой Станиславский с белыми волосами и черными бровями и плотный Москвин в пенсне на корытообразном лице... выделывают...отчаянный канкан». Рядом с ними бледный от хмеля и потный, со свисающим клоком волос Качалов, едва держащийся на ногах. Тут же «маленький, вечно куда-то спешащий и смеющийся Сулержицкий», бормочущий и демонстрирующий «гостинодворскую галантность», «кричащий козлом» пошленькую песенку.

Подмечая несовместимость примитивного и слащавого сентиментализма с реализмом XX столетия, героиня рассказа, осматривая могильный памятник Чехову, бросает фразу: «Какая противная смесь сусального русского стиля и Художественного театра» (481).

Полярность, противоречивость двух начал подчеркнута и в колористике рассказа, где преобладают два «нецветных» цвета - черный и белый. Эти же краски фигурируют и в монологе девушки, побывавшей на похоронах раскольничьего архиепископа: «...лик усопшего закрыт белым «воздухом», шитым крупной черной вязью – красота и ужас...» (480). Стоящие вокруг гроба диаконы одеты в черные кафтаны, а двор кладбища покрыт белым слепающим снегом.

Да и сама героиня, любившая в миру черную монашескую одежду (вспомним шубу, шляпку, муфту, перчатки, ботинки и платье), приняв послушание в монастыре, является рассказчику в ином, совершенно противоположном, облике: она шествует в свите великой княгини Елизаветы Федоровны, одетой во все белое. За княгиней тянулась «такая же белая вереница инокинь или сестер», среди которых повествователь узнает свою бывшую возлюбленную. Но теперь ее, непривычно для рассказчика, одетую во все белое и накрытую белым же платком выдают лишь глаза, по-прежнему темные и прекрасные.

Мотив монашества неоднократно возникает в тексте произведения. В «Прощеное воскресенье» героиня приглашает своего возлюбленного посетить Новодевичий монастырь. На стенах его рассказчик замечает галок, «похожих на монашенок», а сама девушка говорит ему о раскольниках, похожих на знаменитых Пересвета и Ослябу – легендарных монахов Троице-Сергиева монастыря. Дважды в рассказе упоминается Марфо-Мариинская обитель на Ордынке и именно там состоится последняя встреча героев произведения. Названы также Зачатьевский и Чудов монастыри. И, как уже было сказано выше, девушка убеждает своего кавалера, что только в отдаленных северных монастырях сохранилась подлинная Русь.

Обостренное чувство родины, любовь к ее старине рождает в ней желание уйти в монастырь, «какой-нибудь самый глухой, вологодский, вятский» (483). Аналогичное желание высказывается и самим рассказчиком. Видимо, с учетом складывающихся обстоятельств, героиня цитирует летописное сказание о муромском князе Павле и его жене, одновременно принявших монашество. Эту же летопись она вспоминает и позже, отождествляя своего возлюбленного со змеем-искусителем. В ее прощальном письме говорится о желании идти на послушание в монастырь, а затем принять и подстриг. О том, что намерение это осуществилось, свидетельствует заключительный эпизод рассказа – немая сцена в Марфо-Мариинской обители.

И все же, несмотря на обилие религиозных атрибутов и мотивов в произведении, поступок девушки вовсе не мотивируется лишь христианским смирением. Необходимо помнить, что действие «Чистого понедельника» происходит в 1913 году, накануне мировой войны и бурных потрясений в российской истории. Это время отживания старого мира и рождения нового, время сумятицы и безвременья, эпоха кричащих противоречий и поисков нового пути. Поведение людей той эпохи плохо поддается логическому объяснению, ибо в означенный период происходило своеобразное расстройство человеческого сознания. Думается, неспроста в тексте рассказа дважды упоминается «сомнамбулически прекрасное начало «Лунной сонаты» Бетховена, вызывающее чувство «сомнамбулически-блаженной грусти». Бунин тем самым как бы намекает на склонность своей героини к лунатизму, к проявлению симптома сумеречного сознания.

Это обстоятельство словно дополняется целым рядом непонятных (ни самим героям, ни читателям) действий и поступков. Так, например, «шамаханская царица» зачем-то училась на курсах, которые посещала очень редко. И на обращенный к ней вопрос, зачем ей это обучение, отвечала: «А зачем все делается на свете? Разве мы понимаем что-нибудь в наших поступках?» (475). Над ее диваном «зачем-то висел портрет босого Толстого», сама она пользуется оборотами речи типа «непонятно почему», «не понимаю», «вы этого не понимаете» и «вы не можете понимать».

Рассказ «Чистый понедельник», созданный И.А.Буниным на закате дней, основан, надо полагать, на юношеских лирических впечатлениях мастера. Однако, несмотря на столь значительный разрыв во времени, писатель сумел сохранить в своей памяти и художественно верно воссоздать реалии начала XX столетия.

Л и т е р а т у р а

1. Бунин И.А. Избранное. М., «Художественная литература», 1970. Дальнейшие ссылки на это издание даются непосредственно в тексте статьи указанием страницы в скобках.

Р е з ю м е

Статья Р.Назарьяна исследует поэтику малоизвестного рассказа Ивана Бунина «Чистый понедельник», созданного русским классиком незадолго до смерти. В этом сочинении художественными средствами воссоздана реальная атмосфера московской жизни начала XX века.

R E S U M E

The article by Ruben Nazaryan studies the poetics of Ivan Bunin's little-known short story «Pure Monday», which had been created by the Russian classic shortly before his death. In this composition the real atmosphere of Moscow life of the beginning of the XX century is reconstructed by the expressive means.